

Зуева Елизавета Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

zuevaspb@outlook.com

Научный руководитель – С.Д. Титаренко, д-р филол. наук

«ВОРОНЕЖСКИЕ ТЕТРАДИ» О.Э.МАНДЕЛЬШТАМА КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ

Ключевые слова: Мандельштам, «Воронежские тетради», поэтика, мотивный анализ, художественное пространство, художественное единство.

Статья посвящена проблеме анализа «Воронежских тетрадей» О.Э.Мандельштама. Основное внимание уделяется мотивному анализу, который должен помочь определить особенности поэтики трех «Воронежских тетрадей» как типа художественного единства.

Zueva Elizaveta

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

«VORONEZH NOTEBOOKS» AS TO BE THE ARTISTIC INTEGRITY

Keywords: Mandelstam, «Voronezh Notebooks», poetics, the motive analysis, space of art, artistic unity.

The article is devoted to considering of organization of artistic integrity of the three «Voronezh notebooks» by Osip Mandelstam. The main attention is paid to the motive analysis, which should help determine the features of the poetics of the three «Voronezh notebooks».

«Воронежские тетради» О.Э. Мандельштама — это стихотворения поэта, созданные в период с 1934 по 1937 гг., когда он находился в ссылке в городе Воронеже за свои антисталинские произведения. Все стихотворения связывает сходство общих мотивов и тем драматического переживания своей судьбы. Темы и мотивы, взаимодействуя друг с другом, заставляют думать о том, что все три «Воронежские тетради» — это тип определенного художественного единства, каким является книга стихов или цикл. Цель данного исследования — показать художественную целостность трех «Воронежских тетрадей» О.Э. Мандельштама.

Три «Воронежские тетради» можно рассматривать как одно художественное целое. Для стихотворений «Воронежских тетрадей» характерны некоторые признаки лирического цикла, выделенные Л. Е. Ляпиной [Ляпина, 1977, с. 4–5]. Во-первых, это «авторская заданность композиции», важная для цикла как художественного целого. Во-вторых, «одноцентричность» или «центростремительная композиция лирического цикла» как смыслового единства, которое объединяют общие темы и мотивы. В-третьих, для «Воронежских тетрадей» характерен «лирический характер сцепления стихотворений: лирический сюжет», передающийся через развертывание мысли, выражение чувств, которые могут передаваться с помощью развития тех или иных мотивов.

Мы считаем, что «Воронежские тетради» организуются как художественное целое в книгу стихов, отличающуюся высокой степенью слитности составляющих его текстов. И. Фоменко замечает, что «книга претендует на универсализм, на воплощение целостного мировосприятия того периода, который ею представлен. Она претендует на “всеохватность”, стремится исчерпать целостность авторского представления о мире во всех его сложностях и противоречиях» [Фоменко, 1992, с. 21].

Единство трех «Воронежских тетрадей» обуславливается образом автора, а также созданием особого типа пространства и наличием повторяющихся доминантных мотивов. Повторение и взаимодействие данных мотивов формирует особый тип лирического сюжета, который связан с изменениями в сознании лирического субъекта.

Прежде всего, уделим внимание особенностям художественного пространства в «Воронежских тетрадях» О. Э. Мандельштама, поскольку именно оно фокусирует проекции сознания лирического субъекта. Пространство меняется в зависимости от его восприятия и от состояния воспринимающего сознания.

Доминирующим типом пространства в «Первой Воронежской тетради» и «Второй Воронежской тетради» является необычное для Мандельштама пространство земли, которое противоречиво воспринимается лирическим субъектом, в соответствии с изменениями в его сознании: «Переуважена, перечерна, вся в холе, / Вся в холках маленьких, вся воздух и призор, / Вся, рассыпаячись, вся образуя хор, — / Комочки влажные моей земли и воли...//» [Мандельштам, 1994, т. III, с. 90].

В «Первой Воронежской тетради» и «Второй Воронежской тетради» лирический субъект связан с пространством земли, но в «Тре-

тьей Воронежской тетради» он устремляется к небу — идеалу, позволяющему почувствовать внутреннюю свободу. Ему становится близким это пространство, в пределах которого лирический субъект находит возможность оградиться от чужого пространства земли: «И под временным небом чистилища / Забываем мы часто о том, / Что счастливое небохранилище — / Раздвижной и прижизненный дом» [Мандельштам, 1994, т. III, с. 128].

Остановимся подробнее на мотивном анализе всех трех «Воронежских тетрадей». Вслед за Б. М. Гаспаровым и И. Паперно [Гаспаров, Паперно, 1979], под «мотивом» нами понимается смыслообразующий элемент текста, обладающий такими признаками, как повторяемость, способность к накоплению смысла и др. Такое определение позволит шире взглянуть на мотивную структуру и организацию смысла в «Воронежских тетрадях».

Со сменой мироощущения лирического субъекта связан также мотив неволи, несвободы, звучащий во всех «Воронежских тетрадях». В них он находится в отношениях взаимосвязи с пространством, значимым для самоопределения лирического субъекта: в «Первой Воронежской тетради» и «Второй Воронежской тетради» субъект сознания, выражающий позицию автора, ощущает свою несвободу, которую в «Третьей Воронежской тетради» сменяют чувство внутренней свободы и радость ее осознания. Кроме того, важно заметить, что во «Второй Воронежской тетради» развитие мотива свободы коррелирует с некоторыми образами птиц: сокола и щегла. Главная функция каждого из этих образов — подчеркнуть динамику варьирования мотива неволи: «Я около Кольцова / Как сокол закольцован — / И нет ко мне гонца / И дом мой без крыльца..» [Мандельштам, 1994, т. III, с. 108].

С данным мотивом непосредственно взаимодействуют мотивы жизни и смерти, которые также звучат во всех «Воронежских тетрадях». В «Первой Воронежской тетради» и «Второй Воронежской тетради» звучит мотив смерти, ощущения близкой гибели, неотделимый от мотива несвободы. Но по мере того как меняется мироощущение лирического субъекта, развивается мотив неволи, происходит его видоизменение: начинает звучать мотив утверждения жизни: «Не разнять меня с жизнью — ей снится / Убивать — и сейчас же ласкать, / Чтобы в уши, в глаза и в глазницы / Флорентийская была тоска» [Мандельштам, 1994, т. III, с. 129].

С мотивом жизни и смерти взаимодействует ярко выраженный мотив звучащей речи, произнесенного слова. В «Первой Воронежской тетради» и «Второй Воронежской тетради» он тесно перепле-

тается с мотивом жизни и смерти: произнесенное слово в сознании лирического субъекта помогает найти силы для того, чтобы бороться за жизнь: «Лишив меня морей, разбега и разлета / И дав стопе упор насильственной земли, / Чего добились вы? Блестящего расчета: / Губ шевелящихся отнять вы не могли». [Мандельштам, 1994, т. III, с. 94].

Мотив звучащей речи углубляется образом «губ шевелящихся». Именно это дополнение включает рождение слова не только в метафизическую, но и в чувственную сферу лирического субъекта. Преодоление дисгармонии лирическим субъектом именно благодаря еще не утраченной способности «шевелить губами», то есть произносить слово.

В «Третьей Воронежской тетради» появляется небесное пространство — как идеал, к которому стремится в своем сознании лирический субъект, и именно в ней наиболее отчетливо проявляется мотив утверждения жизни, подразумевающий радость от возможности жить вообще. Этот мотив и образ небесного пространства взаимосвязаны с мотивом речи, говорения, рождения слова.

В «Третьей Воронежской тетради» мотив речи, говорения уже звучит иначе. Лирический субъект выражает желание *произнести слово*. Важной деталью является то, что он будет говорить о духовно близком пространстве, представляющемся ему «своим», — о пространстве неба. Но говорить лирический субъект будет «шепотом», словно прячась, скрываясь от остального мира: «Я скажу это начерно, шепотом — / Потому что еще не пора: / Достигается потом и опытом / Безотчетного неба игра» [Мандельштам, 1994, т. III, с. 128].

Рассмотренное взаимодействие мотивов позволяет утверждать, что лирический субъект переживает различные состояния на протяжении всех трех «Воронежских тетрадей»: от отчаяния, которое охватывало его в «Первой Воронежской тетради» — до осознания внутренней свободы и попытки утверждения жизни в «Третьей Воронежской тетради». Такая динамика развития его мировосприятия оказывается взаимосвязанной с мотивом жизни и смерти. Данная закономерность является одним из способов создания лирического сюжета. Содержание этого лирического сюжета можно определить как духовное воскрешение лирического субъекта, преодоление им духовного кризиса. Наличие такого лирического сюжета объединяет три «Воронежские тетради», помогает сформировать единое художественное целое.

Таким образом, можно полагать, что «Воронежские тетради» О. Э. Мандельштама — тип художественного единства, близкий не только циклу, но и книге лирики.

ЛИТЕРАТУРА

- Верхолотова, 2013 — *Верхолотова Е. В.* Проблема циклизации в поэзии акмеистов: Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам: монография. М., 2013.
- Гаспаров, Паперно, 1979 — *Гаспаров Б. М., Паперно И.* К описанию мотивной структуры лирики Пушкина // *Russian Romanticism: Studies in the Poetic Codes Stockholm.* 1979. С. 9–44.
- Ляпина, 1977 — *Ляпина Л. Е.* Лирический цикл в русской поэзии 1840-х–1860-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977.
- Мандельштам, 1994 — *Мандельштам О. Э.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Стихи и проза. 1930–1937 / сост. и коммент. П. Нерлера и А. Никитаева. М., 1994.
- Фоменко, 1992 — *Фоменко И. В.* Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь, 1992.